

**«Это было на прошлой войне, или Богу приснилось во сне»
Этюды истории о Знамени Победы и знаменосцах нашей памяти**

Рождение Святыни

Святыни рождаются прикосновением человеческих рук – и доверяют себя им же: для сбережения, для требовательной и ответственной памяти. Ежегодно в великий и скорбный День 9 Мая, когда происходит торжественный церемониал выноса Знамени Победы на Красную Площадь, память испытывает нас на человеческую сопричастность этому священному символу, полотнище которого навеки запечатлело и долгий солдатский путь, и недолгое прикосновение солдатской руки, которая благословила его бессмертие...

9 Мая 2012 года мне по сложившейся многолетней традиции посчастливилось поздравить с Днем Великой Победы нашего легендарного современника – выдающегося русского писателя, журналиста, фронтовика Василия Ефимовича Субботина, участника штурма рейхстага в составе 150-й Идрицкой стрелковой дивизии, и поделиться с ним чувством необыкновенного трепета, которое испытываешь всегда, когда видишь Знамя Победы: Святыня... Василий Ефимович, разделив это неизбывное чувство, продолжил нашу беседу удивительным рассказом о том, как на его глазах эта святыня рождалась, приобретая тот облик, который навечно вошел в мировую историю: «Вот так наш начальник политотдела Михаил Васильевич Артюхов, когда в ночь с 10-го на 11-е мая нашей дивизии надо было выехать из Берлина на Эльбу, приказал снять с рейхстага это Знамя, на котором внизу была написана цифра “5”, чтобы увезти, взять его с собой. По количеству дивизий в армии (9 дивизий) были занумерованы девять знамен: с 1-го по 9-е, и Знамя № 5 поставила наша дивизия. У нас был человек, художник – не художник, который что-то мог написать, какую-то надпись сделать, на чем угодно, и начальник политотдела приказал написать на Знамени: “150-я”. Тогда командир дивизии Шатилов и другие стали ему говорить: “Михал Васильич, что ж мы делаем, что же вы делаете, нам же попадет за то, что мы нанесем имя нашей дивизии на этом знамени”. И Артюхов сказал: “А вот мы уйдем, и попробуй потом доказать, что поставила это Знамя наша дивизия”. И на Знамени Победы появилось: “150-я Идрицкая ордена Кутузова второй степени стрелковая дивизия”. А внизу, если сейчас Знамя Победы развернуть, уже не так крупно, по самому нижнему краю одной строкой через всё это полотнище написано: 79 СК (то есть стрелковый корпус) 3 УА (это значит “Третья ударная армия”), и дальше – 1 БФ, то есть Первый Белорусский фронт, которым Жуков командовал. Вот так это Знамя стоит сейчас в Знаменном зале Музея Советской Армии. Оно полувыцветшее, конечно, из тонкого какого-то тика, из которого приготовили эти девять знамен. Но уже не просто Знамя...

Надо было случиться, чтобы к концу 1942-го – в начале 1943 года я после окончания краткосрочных офицерских курсов попал в эту дивизию попал в эту дивизию и чтобы именно наша дивизия, оказавшись в Берлине, взяла здание рейхстага. А я с моей книгой “Как кончаются войны” оказался человеком, который рассказал обо всём, как это было, потому что всё было при мне, на моих глазах. Я был сначала в одном батальоне – батальоне Неустроева, потом перешел в другой – Давыдова, и был на рубеже атаки (откуда штурмовали рейхстаг). Он находился в здании Министерства внутренних дел, который называли “дом Гимmlера”. Вот оттуда, из подвала этого дома, штурмовали рейхстаг. И я пришел в рейхстаг и был там все эти дни, все эти почти двое суток, более чем полутора суток, когда шли бои в рейхстаге и состоялось водружение Знамени. Всё было на моих глазах, на моей памяти».

«Как кончаются войны» В. Субботина – Великая книга о Великой войне. В начале 1960-х годов А. Твардовский (в ту пору – главный редактор журнала «Новый мир») познакомился с первыми рассказами из нее и вопреки своему строгому правилу уведомил автора о том, что напечатает еще не дописанную книгу в своем журнале: так правдиво, искренно и человечно было слово фронтовика-летописца, так нужна была пронзительная, негромкая интонация человеческого свидетельства о тех днях, славу и горечь которых нельзя было доверить парадному барабанному бою. В. Субботин такую книгу написал. Написал саму историю, продлив строку, выведенную рукой дивизионного художника-самоучки на полотнище Знамени Победы, в классическое литературное произведение о Великой Отечественной войне.

Еще раз о простоте милосердия в жизни и литературе

«Это было на прошлой войне, Или Богу приснилось во сне» – первые строки стихотворения Ю. Кузнецова «Простота милосердия». В поэтической притче на тему Сталинградского противостояния советский врач переходит линию фронта в поиске лекарств, без которых погибают раненные защитники города:

«Все мы братья, – сказали враги, –

Но расходятся наши круги,

Между нами великая бездна».

Но сложили, что нужно, в суму.

Он кивнул и вернулся во тьму.

Кто он? Имя его неизвестно.

Отправляясь к заклятым врагам,
Он пошёл по небесным кругам
И не знал, что достоин бессмертья.
В этом мире, где битва идей
В ураган превращает людей,
Вот она, простота милосердия!¹

Одна из важнейших проблем, опасностей и тягот нашей сегодняшней жизни заключается в том, что теряется ощущение очевидного, ощущение простоты, которая должна все-таки размежевать свет и тьму, добро и зло. У Ю. Кузнецова есть пророческой силы стихотворение «Память», которое написано прежде «Простоты милосердия» и начинается с дерзкого обращения-восклицания: «Отдайте Гамлета славянам». Пусть они поразмышляют над вечным вопросом: «Быть или не быть». Но после сомнений и надежд последние строки стихотворения звучат уже неким предостережением: «Зачем Вам старые преданья, когда вы бездну перешли?!»²

Что такое бездна, разделяющая друзей и врагов? Что такое бездна, разделяющая иногда нас с вами? Это бездна нашего греха, бездна нашего падения? Или это мера нашей памяти, которая тоже бывает бездонной и в которую иной раз страшно заглянуть? Если мы говорим о том, что эту бездну перешли, значит, круги все-таки сомкнулись. Но что есть плод такого сопряжения разделенных пространств и времен?

Кажется, будто само слово пребывает сейчас в растерянности, становясь заложником смыслового, филологического усложнения, теряя первоизданную простоту. Совершенно справедливо и поучительно то, что всё это филологическое изощрение, в конце концов, может быть выражено одним понятием, учредившим соответствующий терминологический ряд: «симулякр», то есть – пустота. Это уже не тот божественный удел, о котором говорил Г. Гачев: быть подлежащим всех возможных сказуемых. Это нечто иное. Это тоже абсолют, но абсолют Пустоты, которая, увы, все-таки нуждается в своем Чапаеве. И, наверное, нуждается в тех мальчиках и девочках, которые, подняв транспаранты, колоннами шли «смотреть Чапаева», чтобы потом повзрослеть, уйти на фронт Великой Отечественной войны и спасти Родину.

Когда мы обращаемся к урокам прошлой войны, следует, наверное, прислушаться к тем, кто называет это событие самым православным в нашей

истории. Воистину: какие невиданные жертвы, какие невиданные страдания, какое единство ужаса, греха, падения, низости и – святости, высоты подвига, терпения, жертвенности, через которые обретался безусловный, абсолютный нравственный итог, утверждающий победу Добра над Злом и не отрицающий при этом всей той сложности, которая исполнению Божьего промысла предшествовала. Отрицающий только одно: возможность и праведность «третьего пути» в выборе человека и истории между Богом и чертом.

Невероятно, невысказано, однако сегодня вдруг стало возможно искать подтверждение собственной правоты в аргументах убийцы, каким для советского народа в годы войны неизбежно становился вражеский солдат, тоже искавший себе оправдания. Читаем в трофейном немецком документе под красноречивым названием «Источники военной мощи Красной Армии», который датирован 27 июля 1942 года (автор – обер-лейтенант Пильстер) и впервые опубликован в «Вестнике Архива Президента Российской Федерации», изданном редакцией журнала «Родина» к 65-летию Великой Победы: «Отчего же так упорно воюют солдаты, родина которых так бедна и несчастна, большинство населения которой – бесправное и неимущее, влачащее печальное существование? <...> Большевицкая система сумела азиатско-деспотическими средствами возбудить фанатизм и стадное чувство, развить их и использовать. Только таким образом можно понять, чем объясняются боевые качества Красной Армии. <...> К уничтожению такого противника может привести только исключительно жестокая, безжалостная война...»³.

Второй документ – «Политические задачи немецкого солдата в России в условиях тотальной войны», издан штабом третьей танковой армии 30 мая 1943 года: «Борьба против большевизма не является борьбой двух народов между собой, это борьба двух различных мировоззрений. Здесь успех решается не только силой оружия⁴. <...> Для древнего русского государства, наряду с славянским народом и германской государственной системой (*“германцы”-варяги для автора документа и есть основатели славянской государственности, на которую оказались не способны наши пращурьы. – И.А.*), характерно византийское христианство. В 988/89 г. Владимир принял со своим государством христианскую веру. Существо русской православной церкви заключалось в том, что христианство в его закостенелой форме было воспринято идейно незрелым народом. Так возникла исключительная набожность и глубоко магическая вера в обряды. Православная церковь на много веков задержала развитие русской культуры. За пределами церкви не существовало умственной жизни: ни рыцарской культуры, ни гуманизма, ни ренессанса»⁵.

Конфликт мнений здесь не терпит компромиссов. Протоиерей Георгий Митрофанов в Санкт-Петербурге называет генерала Власова страдальцем. Отец Тихон, настоятель Сретенского монастыря, с печалью и тревогой

говорит о том, что такая идеализация предательства может привести к духовной катастрофе, когда имя Власова будут знать лучше, чем имена забытых героев Отечества.

Бесспорно, иные победители-фронтовики сами разуверились в былых символах Победы. Но в той сфере гуманитарного познания, которая формируется на основе классического литературного традиционализма с его мышлением художественными образами, эта дилемма преодолевается, сохраняя незыблемым сам выбор Победы.

В творчестве Ю. Кузнецова, глубоко пережившего личную трагедию военной безотцовщины, драматургию такого преодоления выстраивает сюжет стихотворения «Кадр». Журналисты посещают старика-ветерана, предвкушая острый материал о забытом герое:

Как поживает нынче фронтовик?

Он на войне не раз ходил в атаку...

– Собачья жизнь! – проговорил старик

И нацепил свой орден на собаку⁶.

Будучи человеком искушенным, журналист понимает, какой убийственный кадр просится в его будущий репортаж. Сколько в нем будет горечи и упрека, брошенных всем: власти, современникам, обывателям, забывшим о ветеране! Под разговоры старика о бедственной жизни и прошлом геройстве, которое, как облетевшая желтая листва, никому сейчас не нужно, оператор репортажа подбирается к собаке, но в тот самый момент, когда он уже готов щелкнуть затвором фотоаппарата, «старик вскочил и гаркнул: – Взять его! – // И прыгнула на мастера собака»⁷. И всё же мастер-профессионал успевает сделать последний снимок:

Он проявил большое мастерство,

И главное как раз запечатлел он:

Громадный орден – больше ничего,

Всё прочее осталось за пределом⁸.

Так что же остается «за пределом»?

В 2010 году при подготовке сборника «Великая Отечественная война в судьбе литературы и культуры: Исторический опыт как мировоззренческий и моральный выбор» автору этих строк посчастливилось взять несколько интервью у наших великих писателей-фронтовиков, в частности, у поэта К. Ваншенкина. Константин Яковлевич был рад выходу книги и своему участию в ней, высоко оценил сборник, но поделился одним небольшим

огорчением. Он сказал: «Вы допустили неточность. Я говорил о лейтенантской прозе, а Вы написали о ветеранской». Вряд ли мои неловкие извинения были убедительны для Константина Яковлевича: что еще можно было ответить ему тогда? Успокоение принесла аудиозапись нашей беседы. Выяснилось, что К. Ваншенкин, думая, наверное, о лейтенантской прозе, говорил в интервью все-таки о «ветеранской». Сейчас эту оговорку классика, который, к большому сожалению, в 2012 году ушел из жизни, нужно благословить. Или вслед за В. Шкловским поставить «памятник научной ошибке», почувствовать спасительный прилив «энергии заблуждения». По существу К. Ваншенкин невольной обмолвкой установил новую точку отсчета для всей литературы о Великой Отечественной войне, которая в этой системе творческих, мировоззренческих координат обрела новое дыхание, сохранив классическую высоту литературного свидетельства.

В 2012 году Д. Гранин публикует роман «Мой лейтенант», удостоенный премии «Большая книга». Патриарх русской советской литературы выпускает роман, где есть молодость, любовь, чувство необыкновенной романтической окрыленности, переданное с чарующей юношеской непосредственностью. Он пишет о «моем лейтенанте», который полон заблуждений, каких-то несбывшихся надежд, который верит в то, во что сам Д. Гранин не верит сейчас, но от своего героя не отрекается. Мера любви Д. Гранина к поколению, которое несет на себе закатный отблеск эпохи, продиктована, прежде всего, любовью автора именно к тому мальчишке-лейтенанту, ополченцу в шинели с чужого плеча и кавалерийских нелепых галифе. Без любви к этому человеку у Д. Гранина нет и быть не может веры в высокий смысл совершённого поколением победителей. Это именно «ветеранская» проза. Это не проза вчерашнего младшего офицера, который пришел с передовой и написал правдиво, безыскусно, пронзительно о том, что видел, чем жил. Взгляд фронтовика на передовую из сегодняшнего дня глубже и важнее, его дистанция соединяет то, что логически несоединимо, но для продолжения классической традиции – необходимо и целительно: « – Вы пишете про себя? – Что вы, этого человека уже давно нет» (авторский эпиграф к «Моему лейтенанту»).

Почти одновременно фронтовик, мастер прозы, которая по качеству и внутренней требовательности своей сродни быковской, кавалер солдатского ордена Славы А. Генатулин публикует очень страшный рассказ «На минном поле». К молоденькому солдатику, который тяжело ранен, приходит смерть и открывает ему, на последнем дыхании цепляющемуся за жизнь, страшное послевоенное будущее, что ждет паренька, если он выживет и свою жизнь – проживет. Земной путь его, немощного старика, закончится под милицейской дубинкой, которую нетрезвый инвалид на протезе-деревяшке схлопочет за бранное слово правды и обиды («За что мы воевали-то? Чтобы потом забыли нас?»⁹) Ветерана-фронтовика подстережет очередная кампания по «борьбе с пьянством». До смерти избитого в милицейском участке, его выбросят на свалку, как ненужную, отработанную вещь, скрывая следы

преступления. Но... Раздаются голоса санитаров, и Жизнь или Бог совершает выбор за героя, оставляя перед жестоким, неудобным выбором теперь уже читателя.

Известно, какие потери понесла от цензуры повесть В. Быкова «Мёртвым не больно», где впервые послевоенная, победная жизнь взгляделась в неистребимую линию фронта, приговорила себя к ней навсегда. По счастливой случайности первоначальный текст знаменитой быковской повести не постигла участь других его исчезнувших рукописей: он подготовлен к печати исследователем жизни и творчества писателя Сергеем Шапраном и ждет своего издателя. Что можно было бы предположить в таких изъятиях? Наверное, какие-то политические намеки, описание жестокости СМЕРШа и т.д. Это есть. Есть горькие слова фронтовиков о тех «своих», которые бывали более жестокими, чем чужие. Однако выбор цензора заставляет приглядеться к тому, что не столь очевидно было вчера, но именно сегодня должно быть прочитано всерьез. Швейцар гостиницы, который с родительским упреком («не бережетесь вы, молодые») дает таблетку главному герою повести – фронтовику, ветерану Василевичу, занемогшему от сердечного приступа, слышит от него в ответ: «Времена меняются. Вы хотели поесть сыто. А мы – жить справедливо. Небольшая, но всё же разница» (цитируется по материалам, предоставленным С. Шапраном).

Современное общество уперлось в развилку этого вопроса. Можно мечтать о том, чтобы жить сыто, а можно искать жизни праведной. Это быковский вопрос, изъятый когда-то из первой редакции повести «Мёртвым не больно». И это вопрос человеческий. Он пронизывает военный эпизод с умершим пленным немцем: «...человек. Смерть, она всех уравнивает...» А в тексте, который подготовлен к печати в первоначальном виде: «Смерть, она всех очеловечивает».

Когда-то Сартр размышлял о том, почему люди становятся врагами и готовы ненавидеть друг друга. По Сартру, человек предполагает возможность зла в себе и лишь поэтому ждет угрозы от другого. Убивая в другом врага, он неизбежно убивает человека в себе. Однако почему же не быть в нас и знанию добра?

В 2001 году сердце моего отца лежало на ладони немецкого хирурга. Тогда вопрос стоял очень просто, там не было третьего пути. Это был вопрос жизни или смерти – в вечном соучастии Гамлета, на последнем рубеже отданного славянам: «Быть или не быть». Немецкий хирург спас жизнь моего отца – второй раз в судьбе нашей семьи. В германской клинике мы познакомились с семьей немецкого пациента Эгона Метцгера, от которого узнали удивительную историю, поразительным образом неотделимую от нашей семейной истории. Родственник Метцгера погиб в годы Великой Отечественной войны в России. Пожилые дети немецкого фронтовика показали нам фотографию его могилы: березовый крест, каска на березовом

кресте, табличка «Франц Тринкаус», годы жизни (1913 – 1942) – и зачитали письмо, которое их семья получила с фронта. В письме говорилось о том, что Франц Тринкаус, который был обер-ефрейтором и командовал взводом связи, получил от русского снайпера ранение в голову (а родственники уточнили: пуля попала в рот). О том, каким хорошим он был человеком и как товарищи не могли поверить, что это ранение будет фатальным, но сейчас его командиру роты лейтенанту Петрустеру выпадает грустная миссия сообщить вдове, что ее муж героически погиб и вместе с ним погас тот луч света, которым он был для всех своих товарищей. В письме были указаны точные координаты захоронения: название деревни недалеко от Юхнова. Но вот беда: в самых подробных немецких атласах невозможно было разыскать эту деревню. И немецкая семья, с которой мы подружились после того, как сердце белоруса лежало на немецкой ладони, попросила нас найти эту деревню на русских картах, чтобы хотя бы обозначить в своем атласе маленькую точку, где был похоронен их отец. Вернувшись домой, мы нашли эту деревню, судя по обозначению – существующую чисто символически или вовсе уже не существующую, а только обозначающую автомобильный маршрут. Но главное ждало нас потом. Мы узнали, что Франц Тринкаус и отец моего отца, мой родной дед Иван Михайлович Афанасьев воевали друг против друга в том же самом 1942 году и в тех же самых местах подо Ржевом. Обер-ефрейтор Франц Тринкаус командовал взводом связи, и младший лейтенант Иван Афанасьев командовал штабным взводом роты связи. Франц Тринкаус умер от ранения в августе 1942 года. Иван Афанасьев умер от ранения в сентябре 1942 года. Семья Франца Тринкауса получила фотографию креста на могиле с указанием точных координат военного кладбища. Семья Ивана Афанасьева считала своего кормильца без вести пропавшим вплоть до 1980-х годов, пока, наконец, не удалось выяснить, что умерший от ранения по пути в медсанбат Иван Михайлович Афанасьев был похоронен на родной земле, но в братской могиле.

Замечательные люди. Замечательная семья. Человеческое измерение большой и страшной истории исключило «третий путь» в противостоянии добра и зла: и для немцев, и для нас. Итог очевиден и прост, как Божья заповедь, явившая себя человеку в жестоком сцеплении света и тьмы, чтобы даровать ему свет, а не бездну проклятия и греха.

По воспоминаниям близких, Франц Тринкаус был очень добрым человеком. На фотографиях с фронта он чурался бравады, был поцивильному неуклюж и открыт, напоминая добряка Швейка. Он любил петь, но был убит пулей советского снайпера, попавшей ему в рот. Спустя много лет его сын Франц Тринкаус создал любительский вокальный ансамбль, который исполняет русские народные песни и православные песнопения.

Это было на прошлой войне.

Или Богу приснилось во сне.

Примечания

1. Кузнецов Ю. П. Стихи и поэмы о Великой Отечественной войне. М. 2005. С. 25.
2. Кузнецов Ю. П. Крестный ход: Стихотворения и поэмы. М. 2006. С. 157.
3. Война: 1941 – 1945 // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М. 2010. С. 463.
4. Там же. С. 466.
5. Там же. С. 468.
6. Кузнецов Ю. П. Стихи и поэмы о Великой Отечественной войне. С. 51.
7. Там же.
8. Там же.
9. Генатулин А. Ю. На минном поле // Великая Отечественная война в судьбе литературы и культуры: Исторический опыт как мировоззренческий и моральный выбор. Мозырь. 2011. С. 165.